

СКАЙ

Ты потерял
БРИЛЛИАНТ

Рин Скай

Ты потерял бриллиант!

«Автор»

2026

Скай Р.

Ты потерял бриллиант! / Р. Скай — «Автор», 2026

Мой нынешний муж заскучал со мной в браке и пошел искать эмоции на стороне. Что ж, так бывает. А теперь, узнав, что я снова свободна, на моем горизонте объявился первый муж, с которым мы в разводе уже больше 15 лет. Говорит, что все осознал, что хочет вернуться. Но мы с ним развелись не на пустом месте, и те проблемы никуда не делись.

© Скай Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Рин Скай

Ты потерял бриллиант!

ГЛАВА 1

АДЕЛИНА

День с самого утра идет не по плану. Водитель долго не приезжал - застрял где-то на другом конце города, юрист попросил срочно подписать пакет документов, бухгалтерия уже третий раз напомнила про электронную подпись. А флешка, как назло, лежит дома, в моем кабинете, в верхнем ящике письменного стола. Я ее забыла утром и решаю вернуться за ней домой, а заодно и пообедать нормально, по-человечески.

Водитель привозит меня к воротам, и я сразу замечаю машину Платона.

Темный внедорожник мужа стоит у дома.

Странно. Платон Ильин, мой второй муж, с которым мы в браке уже шесть лет, должен быть сейчас на транспортной базе с проверкой. Утром он сам говорил об этом за завтраком. Сидел напротив меня, пил кофе, листал сообщения в телефоне и недовольно бросил:

- На базе опять бардак. Если сам не приеду, они там все развалят. Сегодня ты без меня в офисе. Сама там все разруливай.

А теперь он дома.

Неужели заехал пообедать? Или переодеться? Или забыл документы?

Открываю дверь. Внутри прохладно, тихо, пахнет средствами для уборки. Наш большой двухэтажный дом выглядит безупречно: светлая прихожая, зеркала, лестница с коваными перилами, идеально расставленные цветы. Значит, Варя, наша новая домработница уже успела прибраться.

Я прохожу в гостиную и громко зову:

- Платоша, я тоже дома!

В ответ тишина.

Я останавливаюсь посреди гостиной. На диване валяется полотенце Платона. Белое, большое, с синим кантом. На журнальном столике стоят солнцезащитные очки, которые он обычно держит в машине. На полу у двери на террасу виднеются мокрые следы.

- Платон? - зову я уже тише.

Снова тишина. Неужели он решил искупаться в бассейне на заднем дворе? В разгар рабочего дня, когда я зашиваюсь в нашей компании?! Ну как в нашей, в моей. Платоша занимает должность моего зама. Но все равно, у него куча работы на той же базе. Почему он дома?!

И вдруг я слышу смех. Женский.

Я медленно поднимаюсь на второй этаж. Кабинет справа, как раз окнами на задний двор.

Открываю дверь, подхожу к столу, выдвигаю верхний ящик. Флешка лежит в кожаном футляре. Я беру ее, зажимаю в ладони и уже собираюсь уходить, но взгляд сам собой падает на окно.

Форточка приоткрыта.

И вид из окна на бассейн открывается весьма интересный.

Мой муж Платон плещется в чистой сверкающей воде бассейна. Не один. Рядом с ним Варя. Наша домработница в ярком маленьком купальнике, с мокрыми волосами и довольной улыбкой.

На бортике стоят два высоких стакана с лимонадом. Лед, лимонные кружочки, веточки мяты. Красиво. Почти романтично. Прямо картинка из рекламы счастливой жизни.

Только счастливая жизнь почему-то не моя.

Платон, в белых плавках, загорелый, в своей лучшей физической форме, подплывает к Варя слишком близко, опирается рукой о бортик и смотрит на нее так, как давно не смотрел на меня. Весело, жадно, самодовольно.

- Платон Сергеевич, вы обещали сегодня не командовать, - смеется Варя и брызгает в него водой. - А сами опять: "Варя, плыви сюда", "Варя, подай лимонад", "Варя, не бойся".

Он ловит ее за запястье и притягивает ближе.

- Во-первых, когда мы вдвоем, я не Платон Сергеевич.

- А кто?

- Просто Платон.

- Ой, как смело, - тянет она. - А если ваша жена услышит?

Он фыркает.

- Аделина? Не смейся. Она сейчас в офисе. Что ей делать дома в рабочее время? Она должна деньги зарабатывать. Для моей беспечной жизни.

Так-так, очень интересно.

Варя смеется и откидывает мокрую прядь с лица.

- А вдруг она вернется?

- Нет. - лениво закидывает назад мокрые волосы мой муж, - Она всегда предупреждает. У нее все по расписанию. Даже жизнь.

- Вы так говорите, будто это плохо.

- Это скучно, хотя кто-то же должен содержать семью. - отвечает Платон. - С ней все стало скучно. Дом, работа, документы, ужины с партнерами. Она думает, что если держит все под контролем, то контролирует и меня.

Варя подплывает к бортику, берет стакан с лимонадом, делает глоток через трубочку и смотрит на него поверх ресниц.

- А вас нельзя контролировать?

- Меня надо вдохновлять.

- А я вдохновляю?

Платон светится медным тазом.

- Ты? Ты меня возвращаешь к жизни.

Варя довольно смеется.

- Красиво говорите. Наверное, всем красивым девушкам так говорите.

- Не всем. Жене я такого не говорю. Она не красивая. А вот ты - а ну иди сюда!

Они смеются.

Я стою у окна и слышу каждое слово. Каждое. Как он красуется перед этой двадцатилетней дурочкой. Как поливает меня грязью. Как выставляет меня скучной, правильной, некрасивой, удобной идиоткой, которая ничего не видит и ничего не понимает.

Варя подплывает ближе к нему.

- А она правда ничего не замечает?

- Аделина? - Платон усмехается. - Она слишком уверена в себе. Такие женщины опасны только на переговорах. Дома они слепые.

- А если я проговорюсь?

- Не проговоришься.

- Почему?

- Потому что тебе нравится твоя работа. И дом. И премии. И я.

Он говорит это спокойно, нагло, как хозяин положения. Варя делает вид, что смущается, но я вижу, как она улыбается.

- Самоуверенный вы человек, Платон.

- Зато честный.

- Честный? - она смеется громче. - Это вы-то?

- С тобой - да.

- А с женой?

Он пожимает плечами.

- С женой я удобный.

Варя ставит лимонад на бортик.

- А если она меня уволит?

- Не уволит.

- Вы уверены?

- Я скажу, что ты незаменима. Что лучше тебя никто не справляется. Что ты знаешь дом, привычки, порядок. Аделина любит порядок, она не станет все рушить из-за глупых подозрений.

- А если подозрения не глупые?

Платон подплывает к ней вплотную.

- Тогда я скажу, что ей показалось.

Он меня совсем за идиотку держит?!

Варя тихо говорит:

- А вы правда сегодня должны быть на базе?

- Конечно.

- И что там скажут, если Аделина Павловна позвонит?

- Что я на выезде. Проверяю филиал.

- Удобно.

- Очень.

- Вот вы тут плескаетесь со мной, а ваша жена думает, что вы работаете.

Платон смеется.

- Пусть думает. Ей так спокойнее.

Варя вдруг поднимается на ступеньку бассейна, вода стекает с ее плеч. Платон тянется к ней, кладет руку ей на талию.

- Платон, ну вы же обещали быть осторожнее, - шепчет она, но не отстраняется.

- А я и осторожен.

- В доме камеры.

- Да расслабься ты, Варя. Я их отключил, конечно!

- Вы - такой предусмотрительный!

Платон расправляет широкие загорелые плечи. Смотри на него - орел нашелся!

Она смеется, а он наклоняется и целует ее.

У меня не остается ни малейшего сомнения. Он изменяет мне. Уже много раз. Слишком свободно они держатся. Слишком уверенно. Слишком привычно.

Я больше не могу стоять наверху и смотреть, как муж-предатель устраивает курорт в моем доме, под моими окнами, за мой счет и за моей спиной.

Кладу флешку в сумку. Разворачиваюсь. Быстро спускаюсь вниз. На лестнице каблуки стучат громко, резко, будто отсчитывают последние секунды его спокойной жизни.

Я прохожу через гостиную, открываю дверь на террасу и выхожу на задний двор.

Солнце бьет в глаза. Вода в бассейне сверкает. Лимонады стоят на бортике. А Платон и Варя все еще целуются прямо в бассейне.

Я останавливаюсь у края, складываю руки на груди и говорю громко, спокойно, так, чтобы они услышали каждую букву:

- Ну что, Платоша, проверка на транспортной базе прошла успешно? Или мне сразу подписать акт приема-передачи тебя домработнице?

ГЛАВА 2

АДЕЛИНА

Муж и домработница вздрагивают так, будто я не вошла, а ударила в гонг прямо у них над головами. Она отлетает от него первой - резко, испуганно, почти с визгом. Выпрыгивает из бассейна, точно мокрая кошка, поскальзывается на плитке, машет руками, но все же удерживается на ногах. Потом уносится в дом.

Платон же остается стоять в воде.

По грудь в бассейне, с растерянным лицом, с открытым ртом. С него стекают капли, вода расходится от его тела кругами. Глаза бегают из стороны в сторону, будто он ищет не слова, а запасной выход. Ресницы удивленно хлопают на меня.

Я стою у края бассейна и смотрю на эту картину.

На своего мужа.

- Аделина?! - наконец выдавливает он. - Что ты здесь делаешь?!

Я медленно поднимаю брови.

Серьезно?

Вот это первое, что приходит ему в голову?

Не "прости". Не "я все объясню". Не хотя бы "это ужасная ошибка". Нет. Он спрашивает, что я делаю в собственном доме.

- А знаешь, у меня встречный вопрос, - хмыкаю я и складываю руки на груди. - Что здесь делаешь ты?

Его лицо начинает быстро меняться: растерянность, испуг, обида, попытка возмущения.

- Это... это не то, что ты подумала! - выпаливает он отговорку мужиков всех времен и народов.

Я даже смеюсь. Коротко. Сухо. Без веселья.

- А что это? Мне даже интересно, как ты оправдаешь свой поцелуй с домработницей в бассейне посреди рабочего дня!

Платон облизывает губы. От этого внутри поднимается такая брезгливость, что меня передергивает.

- Ну... я...

- Давай, - подбадриваю я. - Не стесняйся. У тебя сейчас уникальный шанс войти в историю. Придумай что-нибудь великое.

- Аделина, я... я просто... - Платон делает беспомощный жест руками, из-за чего вода плескается о бортик. - У домработницы... у нее судорога была.

Я замираю.

- Судорога?

- Да! - он слишком быстро кивает, цепляясь за собственную глупость. - В ногу. Она начала тонуть, я подплыл, чтобы помочь.

- В бассейне глубиной полтора метра? - уточняю я.

- Ну... она испугалась.

- И ты решил сделать искусственное дыхание языком?

- Это был не поцелуй, - бормочет он. - Это... это случайно получилось. Я хотел проверить, дышит ли она.

- Через рот? С руками у нее на талии?

- Я ее держал, чтобы она не упала!

- Потрясающе. Какой заботливый спасатель. Может, тебе еще медаль выдать?

- Аделина, пожалуйста, не начинай.

- Не начинай? - я делаю шаг ближе к бассейну. - Ты целуешься с прислугой в моем доме, в моем бассейне, пока я на работе, а я должна промолчать?

Он морщится, но молчит. Вода вокруг него становится почти неподвижной. Только его грудь ходит вверх-вниз слишком часто.

- Ладно, Платон, все понятно с тобой. Собирай свои манатки и вали отсюда!

Я разворачиваюсь и ухожу. Не бегу. Не устраиваю сцену с визгом, хотя где-то глубоко внутри меня все уже горит и рушится. Еще один развод. Второй. Первый дался мне с большим трудом, поэтому я еще долго не решалась на повторный брак. И вот, решилась...

Я просто иду прочь, потому что еще секунда рядом с ним - и меня вывернет от отвращения.

За спиной раздается всплеск.

- Аделина! Подожди!

Я слышу, как он вылезает из бассейна. Мокрые ступни шлепают по плитке. Через мгновение его рука хватает меня за запястье. Холодная, влажная, чужая.

Меня передергивает. Я резко вырываюсь.

- Не прикасайся ко мне после нее! - рявкаю я брезгливо.

Платон отступает на полшага. Он стоит передо мной мокрый, жалкий, с каплями на плечах и виноватым лицом. Полотенце даже не догадался взять.

- Но Аделина, послушай, у нас семья, дети...

Я смотрю на него так, что он сбивается.

- Дети не твои, - отрезвляю я его.

Да, у меня две дочери от первого брака. Инге восемнадцать, с поступлением в университет она переехала в город и живет самостоятельно. Инне шестнадцать, она учится в частном лицее с проживанием.

Когда мы поженились шесть лет назад, дочери уже были со своими характерами, привычками, и памятью о настоящем отце. Конечно, они не воспринимали Платона в качестве папы. Да и он никогда не интересовался их жизнями.

И он это знает.

Но сейчас ему удобно прикрываться ими, как щитом.

- Но все равно, я люблю их как родных дочерей! - говорит он. - Они ко мне привыкли. И мы с тобой шесть лет вместе, это что, шутки?!

- Это у тебя надо спросить.

- У меня? - он даже возмущается. - Я не шучу нашими отношениями!

Я медленно оглядываю бассейн, мокрую плитку, его растерянное лицо.

- Да? А выглядит очень убедительно.

- Из-за одной глупости ты готова перечеркнуть шесть лет совместной жизни?

Я усмехаюсь. Тихо, почти устало.

- Из-за одной ли?

Платон напрягается.

- Что ты имеешь в виду?

- Я слышала, как ты распускал перед этой дурочкой свой павлиний хвост. Я слышала каждое слово, Платоша.

Он бледнеет.

- Ты подслушивала? - выдает он.

- Я пришла домой, Платон. В свой дом. И услышала, как мой муж объясняет домработнице, что его жена не понимает его тонкую душу.

- Ты все неправильно поняла.

- Конечно. Я сегодня вообще все неправильно понимаю. Поцелуй - это реанимация. Измена - это судорога. А унижение жены - это, видимо, крик о помощи.

Он сжимает челюсти. И вдруг в его взгляде появляется не вина, а раздражение. Вот оно. Настоящее. Проступает сквозь мокрую растерянность.

- Это все ты виновата!

Я тихо говорю:

- Ага.

- Да! - оживляется он, словно наконец нашел спасительную версию. - Ты не обращала на меня внимания!

- Как интересно.

- Ты постоянно занята! Встречи, дела, звонки, поездки. У тебя все важнее меня!

- Я работаю, Платон. Я – генеральный директор крупной транспортной компании. Я не могу развлекать тебя 24/7.

- Вот именно! Ты работаешь, решаешь, командуешь, все контролируешь. А дома что? Ты приходишь уставшая, холодная, как лед. Ты меня не слышишь.

Я смотрю на него несколько секунд. На этого мокрого, обиженного дядьку, который только что целовался с другой женщиной и теперь пытается сделать виноватой меня.

- Ты всегда так, - глухо говорит он. - Всегда ставишь себя выше.

- Нет. Я просто не падаю на колени, когда ты устраиваешь цирк.

- Ты не захотела измениться для меня, вот я и...

ГЛАВА 3

АДЕЛИНА

Не захотела для него измениться.

Пожалуй, я понимаю, о чем он.

ДВА МЕСЯЦА НАЗАД

Это было несколько месяцев назад. Вечер, спальня, приглушенный свет от бра у изголовья, я лежу в кровати после тяжелого дня и пытаюсь хотя бы десять минут не думать ни о поставщиках, ни о счетах, ни о звонках. На мне шелковая пижама, волосы рассыпаны по подушке. Я только вчера была в салоне, поэтому блонд лежит идеально - гладкий, холодный, блестящий.

Платон лежит рядом, листает что-то в телефоне, потом вдруг поворачивает голову и смотрит на меня странным оценивающим взглядом.

- А может, тебе перекраситься?

Я сначала даже не понимаю, что он сказал. Думаю, ослышалась.

- Чего?

- Ну перекраситься, - повторяет он, будто предлагает купить новый плед. - Цвет волос поменять.

Я медленно приподнимаюсь на локте.

У меня длинные блестящие белокурые волосы. Не просто "покрасилась и забыла". Я постоянно крашу их в блонд в дорогом салоне красоты. Я трачу на поддержание их в красивом состоянии огромные деньги. Покраска дорогими материалами, тонирование, дорогой уход, маски, сыворотки, защита, специальные шампуни, на которые уходит целое состояние. Чтобы мои волосы не превратились в желтую мочалку и не отвалились после очередного осветления.

Каждая женщина меня поймет. Блонд - это не цвет. Это образ жизни, расписание, бюджет и крепкая нервная система.

Поэтому я сразу злюсь.

- Как это - перекраситься?

Платон пожимает плечами, будто я драматизирую на пустом месте.

- Ну в рыжий. Тебе пойдет.

- В рыжий?!

- Да. Такой красивый, медный. Сочный.

Я смотрю на него и не верю, что он говорит серьезно.

- Ты с ума сошел?

- Ну а что такого? - он морщит лоб. - Полчаса, и ты уже рыжуля.

Я даже сажусь в кровати.

- Полчаса? Платон, ты вообще понимаешь, о чем говоришь?

- Ну в салонах же красят.

- Да рыжий потом только отстригать!

- Да прям, - фыркает он. - Перекрасишься обратно.

- Обратно? - я смеюсь, но смех выходит злой. - Ты правда думаешь, что волосы - это занавески? Сегодня повесила рыжие, завтра белые?

Он закатывает глаза.

- Ой, началось. Я просто предложил.

- Нет. Ни в рыжий, ни в черный, ни в красный я не перекрашусь.

- Почему ты сразу так категорична?

- Потому что это мои волосы.

- Я же не сказал налысо побриться.

- Какая щедрость.

Он недовольно откидывается на подушку, но через пару секунд снова смотрит на меня. И я вижу, что разговор не закончен. У него еще есть “гениальная” мысль.

- Ну может, тогда грудь увеличишь?

Я замираю.

- Что?

- Грудь, - спокойно говорит он. - Не много. На два размерчика.

Несколько секунд я просто молчу. Не потому что мне нечего сказать. Потому что вариантов слишком много, и все они начинаются с оскорблений.

- Платон, ты с дуба рухнул?

- Да что ты сразу орешь?

- Я еще не ору.

- Ну я же нормально спрашиваю.

- Нормально? Ты лежишь со мной в кровати и предлагаешь мне вставить импланты.

- Я предлагаю тебе сделать красивее.

Я чувствую, как внутри все закипает.

- То есть сейчас некрасиво?

Он мнетя, но не настолько, чтобы остановиться.

- Ну тебе уже сорок.

- И?

- Ты двоих детей выкормила.

- И?

- Грудь уже не такая упругая, как у молодой девушки.

Боже. Я чуть его не прибавала тогда.

Я сжимаю простыню пальцами и заставляю себя не швырнуть в него подушку, лампу и тумбочку в придачу.

- Так я и не молодая девушка, Платон. Я – молодая сорокалетняя женщина, выкормившая двоих детей. И моя грудь меня полностью устраивает.

- А меня твоя грудь не устраивает. Она - обвисшая. Ты должна сделать красивую и упругую.

Вот это он говорит спокойно. Даже с какой-то обидной уверенностью, будто имеет право выставлять претензии моему телу, как гарантийному товару.

Я медленно поворачиваюсь к нему всем корпусом.

- Повтори.

Он, кажется, понимает, что дал лишка, но гордость не позволяет отступить.

- Ну я просто честно сказал. Слушай, я вот рекламу видел, там такие груди женщинам делают...

- Платон, замолчи.

- Да подожди ты. Сейчас это уже обычная операция. Все дамочки делают.

- Кто все?

- Ну женщины. Блогерши, актрисы. Даже обычные женщины.

- Я не блогерша и не актриса.

- Но ты же следишь за собой. Тебе самой приятно будет.

- Мне и сейчас хорошо.

- Ты просто боишься.

Я смеюсь ему в лицо.

- Операции? Конечно, боюсь. Нормальные люди вообще-то не бегут под нож ради чужих фантазий.

- Да какой нож, - отмахивается он. - Сейчас медицина на уровне. Сделаешь себе импланты, три дня лежишь в реанимации, и как новая.

- В реанимации?! – ужасаюсь я.

- Ну или не в реанимации, не знаю. В палате. Какая разница?

- Огромная, Платон. Огромная.

- Тебе же даже отпрашиваться с работы не надо. Уж сама себя отпустишь.

Я смотрю на него и понимаю, что он не шутит. Он реально продумал это так, будто речь идет не о моем теле, рисках и восстановлении после операции, а о покупке нового дивана. Захотел - заказал. Не понравилось - поменял.

- Платон, я не собираюсь ложиться на операцию только потому, что тебя во мне что-то не устраивает.

- Ну почему ты все переворачиваешь?

- Я ничего не переворачиваю.

- Я хочу, чтобы ты была лучше.

- Для кого?

Он молчит.

- Для нас, - наконец выдает.

- Для нас? А я тебя просила что-нибудь в себе переделать?

Он хмурится.

- При чем тут я?

- При том. Я же не говорю тебе увеличить достоинство, а тебе бы не помешало.

Лицо у него вытягивается. Потом наливается смертельной обидой.

- Это было низко.

- А гнать меня на операцию из-за твоих хотелок, высоко?

- Я с тобой нормально разговаривал.

- Нет, Платон. Ты лежал рядом со мной и перечислял, что тебе во мне не нравится.

- Я просто предложил.

- А я просто отказалась.

Он отворачивается к стене.

- С тобой невозможно говорить.

- Если разговор о том, чтобы перекроить меня под твой вкус, то да. Невозможно.

- Ты всегда такая.

- Какая?

- Жесткая. Самоуверенная. Все должна контролировать.

- Свое тело я действительно собираюсь контролировать сама.

Он демонстративно выключает свет со своей стороны и ложится спиной ко мне.

- Спокойной ночи.

- Спокойной.

Но ночь получается совсем не спокойной. Я лежу в темноте и смотрю в потолок. В груди кипит злость, обида, недоумение. Я пытаюсь вспомнить, когда именно мой муж решил, что имеет право оценивать меня по частям. Волосы - не те. Грудь - не та. Возраст - не тот.

А сам он кто?

Аполлон?

Да даже ради Аполлона я бы не разрешила себя переделывать. А Платон - обычный сорокалетний мужик со всеми вытекающими в его возрасте проблемами. Ну да, он старается поддерживать себя в форме, но далеко не атлет. С седеющими висками. С привычкой рассуждать о женской красоте так, будто его самого лепили ангелы из мрамора.

Утром он со мной почти не разговаривает. Потом еще день. Потом еще. Целую неделю ходит с оскорбленным видом, вздыхает, хлопает дверцами шкафов, отвечает односложно.

- Кофе будешь? - спрашиваю я.
- Нет.
- Ужинать будешь?
- Не голоден.
- Ты долго собираешься изображать жертву?
- Он смотрит на меня холодно.
- Я не жертва.
- Тогда перестань вести себя так.
- Ты меня унизила.
- А ты меня нет?
- Я хотел как лучше.
- Для себя.

Он снова замолкает.

Уже тогда надо было развестись после этих странных требований. Я даже всерьез задумывалась подавать документы. Не собиралась бегать за ним и вымаливать прощение. Не хочет человек вести себя нормально - дверь там. Никто его не держит.

Платон, видимо, что-то почувствовал.

Вечером он, поджавши хвост, прискакал с букетом.

- Аделина, давай мириться.

Я смотрю на цветы.

- Что это?
- Твои любимые.
- Мои любимые - пионы. Это розы.
- Ну красивые же.
- Платон. Ты невозможен.

Он вздыхает, подходит ближе.

- Прости. Я был не прав.

Я молчу.

- Я наговорил ерунды. Правда. Не знаю, что на меня нашло.
- Ты очень подробно все сформулировал.
- Я дурак.
- Это не оправдание.
- Знаю. Просто... прости. Ты красивая. Очень. И волосы у тебя красивые. И грудь. И вообще вся ты.

Он пытается улыбнуться. Я не улыбаюсь.

- Я больше не хочу слышать от тебя подобных разговоров. Никогда.
- Не услышишь.
- Если тебя что-то во мне не устраивает, дверь там. Я тебя к себе не привязывала.
- Меня все устраивает.
- Платон. Я тебе не верю.
- Правда, - торопливо говорит он. - Все. Я идиот. Забудь.

Конечно же, я ничего не забыла. Но решила дать ему второй шанс. Потому что мы шесть лет вместе. Потому что в браке бывают ссоры. Потому что он извинился. Потому что мне кажется, что взрослый мужчина способен понять свои ошибки.

И он больше не поднимает тему о моей внешности.

Он просто мне изменяет.

С рыжей, фигуристкой, двадцатилетней девушкой.

ГЛАВА 4

ПЛАТОН

Блин, ну попался я. Глупо, обидно, даже унизительно глупо. Стою у бассейна, чувствую, как солнце жарит мокрые плечи, а в голове крутится одно и то же: я же все просчитываю. Всегда. Я не из тех, кто действует на авось. Я заранее знаю, где Аделина, где Варвара, кто в доме, кто в офисе, когда можно выйти, кому что сказать и как потом вернуться с таким лицом, будто я весь день решал важнейшие вопросы компании.

Сегодня тоже все должно быть идеально. Аделина на работе. У нее встречи, звонки, документы, вечная деловая суета. Варвара у нас дома, убирается. Молодая, красивая, рыжая, с такой фигурой, что у любого нормального мужчины в голове щелкнет. Грудь у нее роскошная, большая, как я люблю, талия тонкая, бедра такие, что взгляд сам цепляется. И волосы - рыжие, живые, яркие. Я вообще всегда любил рыжих женщин. До сих пор не понимаю, почему женился на холодной блондинке.

Хотя понимаю, конечно. Аделина богатая.

Я криво усмехаюсь, потому что это правда. Неприятная, но правда. Аделина тоже ничего, если не включать в спальне слишком яркий свет. Но ей сорок, и возраст дает о себе знать. Уже все не так, как раньше. Не то чтобы совсем плохо, нет. Просто грудь уже не торчит, бедра не такие упругие, кожа не такая свежая. А Варвара - огонь. Ей двадцать лет - самый сок! И она ведь сама ходит вокруг меня, сама улыбается, сама наклоняется над столом так, будто случайно. Я же не железный.

Первый раз это случается почти само собой. Аделина уезжает на маникюр, Варвара протирает пыль в гостиной. Я прохожу мимо и замечаю, как она специально медлит возле полки, потом поворачивает голову.

- Платон Сергеевич, я вам здесь не мешаю? - спрашивает она и улыбается.

- Ты мне? - говорю я. - Нет, Варя, ты мне не мешаешь.

Она опускает глаза, но улыбается еще шире.

- А то я могу позже прийти.

- Не надо позже, - отвечаю я и сам слышу, каким голосом это говорю.

Она понимает. Конечно, понимает. Молодая, но не глупая. Долго ходит, крутится рядом, будто проверяет, насколько я готов. А я готов. Еще как готов. В какой-то момент я просто не выдерживаю, подхожу, зажимаю ее в углу между стеной и высоким шкафом. Она делает вид, что испугалась, но не отталкивает.

- Платон Сергеевич, что вы делаете? - шепчет.

- А ты не понимаешь?

- Понимаю, - говорит она уже тише.

С этого и начинается. Тайком, удобно, почти без риска. Главное - не потерять голову. Я как заместитель Аделины могу спокойно уходить из офиса посреди дня. Нужно только придумать нормальную отмазку.

- Мне надо на объект, - говорю я секретарю.

Или:

- Аделина просила забрать бумаги.

Или:

- Буду на встрече, если что - на связи.

Все верят. А почему не верить? Я муж Аделины, ее заместитель, ее правая рука. В компании меня уважают, по крайней мере делают вид.

Камеры в доме я тоже порчу сразу. Не все, конечно, это было бы подозрительно. Просто те, которые могут записать лишнее. Где-то провод отходит, где-то картинка странно мерцает, где-то архив почему-то не сохраняется.

- Опять техника барахлит, - говорю я охране нашего поселка.

Охранник только пожимает плечами:

- Надо мастера вызвать.

- Вызовем, - отвечаю я. - Потом.

И никакого потом, разумеется, не наступает.

Мне нравится эта схема. Я ухожу из офиса, приезжаю домой, а там Варвара. Она открывает дверь в своей короткой домашней форме, смотрит на меня снизу вверх и сразу понимает, зачем я приехал.

- А если Аделина Павловна вернется? - спрашивает она иногда.

- Не вернется, - уверенно говорю я. - У нее график расписан до вечера.

- Вы всегда так уверены?

- Я всегда все знаю.

И вот именно сегодня моя уверенность и подводит меня. Погода прекрасная. Жара такая, что асфальт плавится, воздух дрожит над плиткой, а вода в бассейне блестит так, будто там рассыпали бриллианты. Я решаю, что день надо провести красиво. Не в спальне, не в гостиной, а у бассейна. Дом пустой, Аделина в офисе, Варвара заканчивает уборку.

Она выходит ко мне, поправляет волосы, щурится от солнца.

- Вы меня звали? - спрашивает.

- Звал, - говорю. - Иди сюда.

- Платон Сергеевич, я вообще-то работаю.

- Варя, перестань. Ты уже все протерла три раза.

Она смеется, подходит ближе. От нее пахнет чем-то сладким, летним, дешевым, но почему-то безумно приятным. Я смотрю на нее и думаю, что вот он, нормальный отдых нормального мужчины. Жена зарабатывает, дом сверкает чистотой, молодая красивая домработница рядом, солнце, бассейн. Все как надо.

- Вы сегодня какой-то довольный, - говорит Варя.

- Потому что день хороший.

Она убегает переодеться в купальник.

Мы плещемся в бассейне. Я наклоняюсь к ней. Мы целуемся. Просто целуемся. В этот раз - только это. Ничего такого, из-за чего надо разрушать брак, делить имущество и устраивать истерики. Не в постели же Аделина нас застает. Не в спальне, не в какой-то отвратительной сцене. Просто поцелуй. Ну да, не самый невинный. Ну да, Варвара у меня в объятьях. Но все равно.

И вот в этот момент я слышу:

- Ну что, Платоша, проверка на транспортной базе прошла успешно? Или мне сразу подписать акт приема-передачи тебя домработнице?

Сначала я даже не понимаю. Мозг отказывается воспринимать голос жены. Потом вижу Аделину. Она стоит возле бассейна в светлом костюме, с сумкой в руке. Лицо у нее такое, будто она увидела не нас, а аварию, пожар и что-то ужасное одновременно.

Варя отскакивает от меня, как ошпаренная. А я придумываю идиотское оправдание, которому Аделина, конечно, не верит.

Тут же заводит идиотские разговоры о разводе.

Я раздражаюсь. Потому что меня загоняют в угол, а я этого не люблю. Я вообще не люблю, когда меня заставляют оправдываться. Особенно когда, если подумать, виноват не только я. Да, я изменяю. Но почему? Потому что дома давно все не так. Потому что я мужчина, у меня

есть потребности. Потому что я не обязан всю жизнь смотреть на одну и ту же женщину, если она сама ничего не делает, чтобы оставаться привлекательной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.